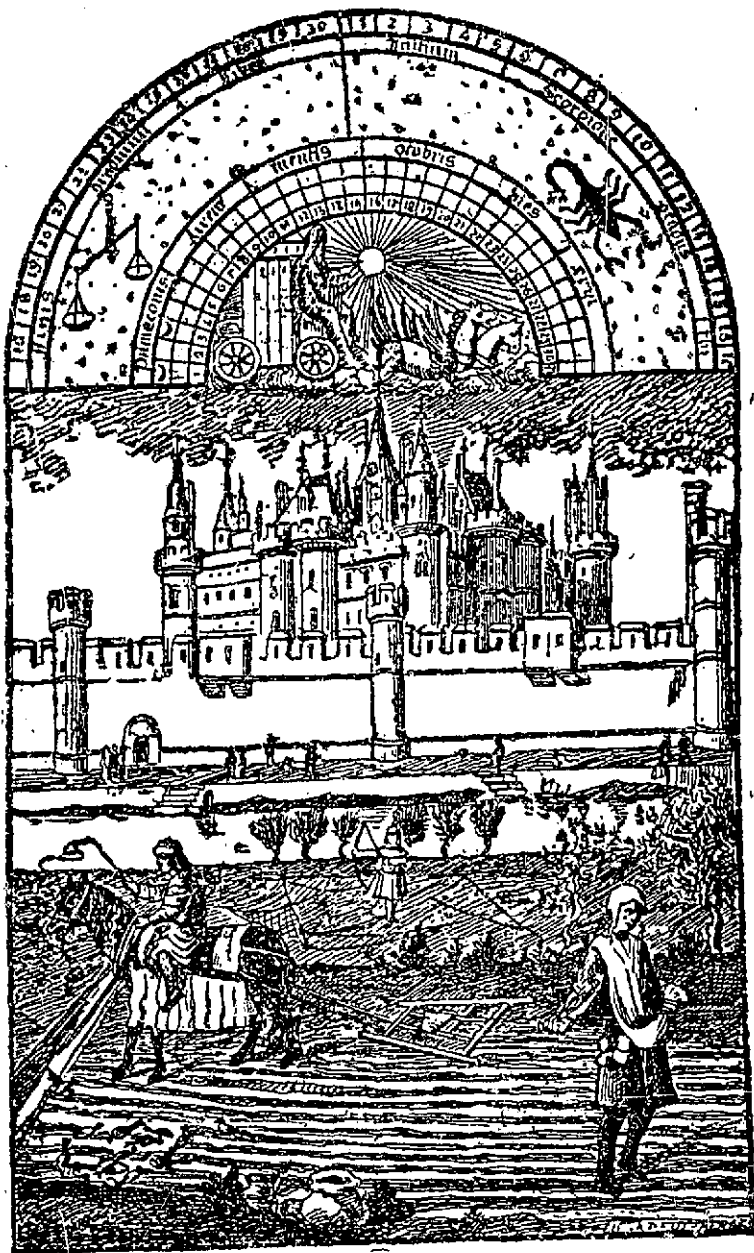

ВѢСЫ © АПРѢЛЬ © 1909.

La Balance. Avril. 1909.

Годъ изданія шестой. Sixième année.

Книгоиздательство «СКОРПИОНЪ»
Москва, Театральная пл., д. Метрополь, кв. 23.
Moscou, Place du Théâtre, m. Métropole, 23.

О РОМАНТИЗМЪ У ГОГОЛЯ.

У насъ принято говорить о великихъ писателяхъ только по поводу ихъ рожденія или смерти. Въ этихъ случаяхъ говорится и вспоминается все, что хотя бы отдаленно можетъ быть приурочено къ сегодняшнему торжеству. Также точно почтили мы и столѣтїе Гоголя. Сотрудникъ одной московской газеты нарочно ѣздилъ къ Льву Толстому, въ Ясную Поляну, спрашивать графа, какого онъ мнѣнія о Гоголѣ, и получилъ въ отвѣтъ листъ бумаги съ обстоятельнымъ прописаніемъ пятерокъ и нулей, выставленныхъ Гоголю Толстымъ за статьи въ „Перепискѣ съ друзьями“. Д. С. Мережковский выпустилъ ко дню юбилея вторымъ изданіемъ свое обширное изслѣдованіе „Гоголь и чортъ“, озаглавивъ его на этотъ разъ просто „Гоголь“, хотя о самомъ Гоголѣ тутъ сказано меньше всего. * Гдѣ-то въ пространствѣ, между отцомъ Матееемъ и чортомъ болтается на ниточкѣ жалкая фигурка Гоголя, распятого между двумя бѣсами—Чичиковымъ и Хлестаковымъ. Въ концѣ книги Гоголь Мережковского великолѣпно самосожигается въ черномъ пламени матеевскаго изувѣрства. На самомъ же дѣлѣ, по рассказамъ очевидцевъ,** ржевскій протопонъ Матей Константиновскій былъ вовсе не таковъ, какимъ рисуешь его Д. С. Мережковскій, и ужъ, конечно, ни онъ не „убиваль“ Гоголя, ни Гоголь не былъ въ жизни спеціальнымъ чортоборцемъ. И отчего не взглянуть на Гоголя просто? У насъ все еще подходятъ къ нему съ разныхъ точекъ: то съ общественной, то съ мистической, то съ философской. Ему съ 1836 года и до нашихъ дней навязываютъ роль и значеніе, которыхъ онъ никогда не думалъ брать на себя. На самомъ дѣлѣ Гоголь, какъ это ни странно на первый взглядъ, былъ романтикомъ, русскимъ

* Это уже третье названіе, придуманное авторомъ для своего изслѣдованія. Первоначально оно называлось „Судьба Гоголя“ („Новый Путь“ 1903). Эта нерѣшительная перемѣна заглавій очень характерна для книги Д. С. Мережковского.

** Н. Барсуковъ. „Жизнь и труды М. П. Погодина“, кн. XI.—А. Панкратовъ. „Отецъ Матей“. „Русское Слово“ апр. 1909.

романтикомъ тридцатыхъ годовъ. Навнымъ, довѣрчивымъ романтизмомъ дышуть всѣ его первые черновые отрывки, юношескія повѣсти и статьи, не говоря уже о замѣчательномъ „Ганцѣ Кюхельгартенѣ“, гдѣ Гоголь „въ небесахъ и къ Шиллеру заѣхалъ въ гости“. А сколько этой милой шиллеровщины разлито въ „Арабескахъ“! Вспомнимъ хотя бы идеалистическіе вопли бѣднаго художника Пискарева, надъ судьбой несчастной красавицы („Невскій проспектъ“). А „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“, а „Миргородъ“! Между тѣмъ, главное вниманіе читателей всегда устремлялось на „юморъ“, на „смѣхъ“ Гоголя. Какъ будто вельдъ за наборщиками, смѣявшимся при печатаніи „Вечеровъ“, засмѣялась вся Россія, и уже надолго ничего не увидѣла въ Гоголѣ, кромѣ „смѣха“.

Всю позднѣйшую русскую литературу („беллетристику“) у насъ привыкли выводить изъ Гоголя. Но ранній слогъ Гоголя, риторично-высокопарный, пустозвонный (выраженіе Никитенки), кажется устарѣлымъ даже для тридцатыхъ годовъ, послѣ „Повѣстей Бѣлкина“, наканунѣ „Капитанской дочки“. А по мнѣнію критики выходило, что до Гоголя у насъ какъ будто не существовало никакой художественной прозы, и что единственно Гоголю обязаны своимъ появленіемъ не только Тургеневъ и Гончаровъ, но даже Рѣшетниковъ и Успенскій. Слѣдующая критика наша съ самаго начала проглядѣла подлинную сущность Гоголя, подмѣнивъ ее „гражданскимъ подвигомъ“, провозгласивъ Салтыкова прямымъ наследникомъ и продолжателемъ „гоголевскихъ традицій“. Сравнить Гоголя съ Салтыковымъ — это все равно, что ставить рядомъ имена Пушкина и Розенгейма. Кажется, уже всѣмъ набило оскомину вѣчное упоминаніе критиками заключительныхъ словъ „Повѣсти о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“, въ качествѣ характернаго будто бы перехода Гоголя отъ Пушкина къ... Салтыкову. Незлобиво-грустный смѣхъ Гоголя, добродушно подшутившаго надъ страстью украинскіхъ обывателей къ кляузничеству (черта, отмѣченная еще Нарѣжнымъ* въ его повѣсти „Два Ивана или страсть къ тяжбамъ“), критика превратила въ угрюмый язвительный хохотъ, задушевное восклицаніе нѣжнаго поэта „скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“ выросло въ цѣлый боевой лозунгъ, какъ будто не тотъ же Гоголь писалъ „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ“ и „Тараса Бульбу“. Даже въ такихъ произведеніяхъ, какъ „Ревизоръ“ и „Мертвыя души“ Гоголь остался прежнимъ романтикомъ, вопреки

* В. Т. Нарѣжный имѣлъ, несомнѣнно, влияніе на Гоголя, о чемъ свидѣтельствуетъ совпаденіе именъ въ повѣстяхъ о двухъ Иванахъ. Ему же обязанъ Гоголь вѣрнымъ воспроизведеніемъ бурсацкаго быта въ полной романтическнхъ ужасовъ повѣсти „Вій“.

надеждамъ Бѣлинскаго и К. Аксакова, потому что вовсе не одно только изображеніе пошлости Хлестаковыхъ и Чичиковыхъ было его конечною и главною мѣтою — „мимо, мимо ихъ!“ — душою онъ все летѣлъ къ свѣтлымъ шиллеровскимъ „идеаламъ“, къ „правдѣ и красотѣ“, къ „высокому и прекрасному“. И вотъ—за „Ревизоромъ“ слѣдуетъ сентиментальный „Театральный разъѣздъ“ съ благороднымъ монологомъ автора о великихъ „побасенкахъ“, о „добромъ и свѣтломъ смѣхѣ“, а за первымъ томомъ „Мертвыхъ душъ“ — второй, гдѣ появились шиллероподобные Тѣнтѣтниковы и Платоновы, добродѣтельные кулаки и миллионщики Костанжогло и Муразовы и, наконецъ, самъ князь, одинъ изъ тѣхъ генераль-губернаторовъ, которымъ по мысли Гоголя въ „Перепискѣ“ предстояла благая цѣль „возвратить все на свое мѣсто“ и возстановить во всей Россіи ея исконно-патріархальный бытъ.

Недаромъ, наконецъ, приняли Гоголя, какъ своего, въ свой тѣсный кругъ первые лебеди русскаго романтизма—Пушкинъ, Жуковскій, Плетневъ, Языковъ — изъ нихъ съ тремя послѣдними Гоголь остался въ тѣсной дружбѣ на „ты“, до конца дней. Знаменательно и то, что самъ Гоголь пошелъ не къ западникамъ и славянофиламъ, пылко манившимъ и привѣтствовавшимъ его, а вернулся назадъ, къ пушкинскимъ истокамъ, гдѣ ему чуялась подлинная, не искаженная теоріями, поэтическая правда. Пушкинъ, какъ заходящее солнце, освѣнилъ первые труды Гоголя. Онъ смѣялся надъ ссорой Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, но не залился бы Пушкинъ своимъ дѣтскимъ смѣхомъ надъ „Губернскими очерками“ Щедрина и не сообщилъ бы своихъ темъ желчному сатирику. Вѣчно чужды и враждебны другъ другу Пушкинъ и Салтыковъ и, любя одного, нельзя любить другого.

Въ области историко-литературныхъ изученій Гоголя у насъ имѣются сухіе, обстоятельно приготовленные препараты Тихонравова, добросовѣстный, но излишне и тупо умствующій трудъ Шенрока, наконецъ, филологическая отписка г. Мандельштама. Этимъ, кажется, исчерпывается все. Для большинства публики Гоголь навѣки застылъ подъ соусомъ шестидесятныхъ журналовъ. Подлинное лицо его до сихъ поръ остается никому неизвѣстнымъ, и въ нашемъ представленіи Гоголь напоминаетъ тотъ пошло-благообразный, прилизанный моллеровскій портретъ, который такъ любитъ публика и который на самомъ дѣлѣ лишень всякаго сходства съ Гоголемъ.

Борисъ Садовской.